

Публичные сцены высмеивания лжеправителя: между потешным и серьезным

Анна Б. Герштейн

*Институт всеобщей истории Российской академии наук,
Москва, Россия, odysseus1989@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу эпизодов публичного высмеивания самозванца Тиля Колупа, провозгласившего себя в 1284–1285 гг. императором Фридрихом II Штауфеном (1194–1250) в рейнских землях Германской империи – в то время, когда прежняя династия пресеклась, а легитимность новой (Габсбургов) еще не была непререкаемой.

На примере двух детальных описаний хроник (*Gesta Henrici Archiepiscopi Treverensis, Iohannis abbatis Victoriensis Liber. centarum historiarum*) конца XIII – первой четверти XIV в., впервые вводимых в оборот в отечественной историографии, автор подробно разбирает, как функционировал смех в пространстве политического дискурса. В статье показано, что смех в площадных театрализованных сценах в Кельне и Вецларе выполнял сразу несколько функций. Помимо собственно смеха и высмеивания он был способом отречения от «верности» якобы императору Фридриху и одновременно присягой своему законному господину. Таким образом, смех являлся определенного рода языком символической коммуникации власти и общества, понятным обеим сторонам. Атрибуты и декорации карнавала (городская площадь, толпа, шутовской король в качестве протагониста) фактически были перенесены в серьезный, политический, дискурс и стали инструментом для репрезентации социальной группой своих социально-политических установок. Именно фигура самозванца, таким образом, позволила раскрыть механизм использования смеха и его функции в качестве политического языка в средневековой городской культуре.

Ключевые слова: лжеправитель, смех, высмеивание, публичное представление, политическая коммуникация, городское сообщество, власть

Для цитирования: Герштейн А.Б. Публичные сцены высмеивания лжеправителя: между потешным и серьезным // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 3. С. 21–38.

Public Performances Deriding, the Pseudo-Ruler. Between the Funny and Serious

Anna B. Gerstein

*Institute of General History of Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia; odysseus1989@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the analysis of episodes of public derision of the impostor Til Kolup, who proclaimed himself the emperor Frederick II in 1284–1285 II Staufen (1194–1250) in the Rhine lands of the German Empire – at a time when the former dynasty was ended, and the legitimacy of the new (Habsburg) was yet not indisputable. The author analyses the detailed evidences of two chronicles of the end of the 13th – the first quarter of the 14th century (*Gesta Henrici Archiepiscopi Treverensis, Iohannis abbatis Victoriensis Liber centarum historiarum*), introducing them into scientific use of our country. The author explores how the laugh operates in the political discourse.

The paper shows that the laugh in the dramatized performances in the market square of Cologne and Wetzlar accomplished various functions. Besides laughing and deriding, it served as a way of townsfolk's denial of their 'loyalty' to so-called emperor Frederick II and their oath of allegiance to their legal king at the same time. Therefore the laugh was a kind of symbolic communication of power and society, well understood by both sides. The attributes and sets of carnival (market square, townsfolk, a character of a fool king as a protagonist) were in fact incorporated in the "serious" discourse of politics from the space of humour and laugh. It became an instrument for representation the social and political attitude of a social group. In summary, it was the figure of impostor that enabled uncovering the mechanism of the usage of laugh and his functions as a political language in the urban culture in the Middle Ages.

Keywords: *pseudo-ruler, laugh, derision, public performance, political communication, urban community, power.*

For citation: Gerstein AB. Public Performances Deriding, the Pseudo-Ruler. Between the Funny and Serious. *RSUH / RGGU. Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, 2019;3:21-38.

Введение

Смех – это физиологическая реакция человека¹, но одновременно и движение ума, нервов [1 с. 8]. Проявление этой эмоцио-

¹ Смех // Психологос: Энциклопедия практической психологии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.psychologos.ru/articles/view/smeh> (дата обращения 28 янв. 2019).

нальной реакции одновременно и *activae*, и *contemplativae* способно воздействовать не только на мир чувств индивида (группы), но и на его (их) социальную позицию и репрезентацию, политическое поведение. Перечисленные сферы человеческой жизни, следовательно, могут стать актуальным предметом научного исследования, а это, в свою очередь, позволяет охарактеризовать определенным образом ту или иную культуру в целом. М.М. Бахтин [2 с. 17] и позже С.С. Аверинцев [1 с. 15] отмечали среди прочего, что смех позволяет членам сообщества выйти за рамки той системы ценностей, которая существовала до его появления. Он трансформирует ее и после самого акта смеха возвращает сознание индивида уже в иную реальность, переосмысленную.

И поскольку смех – это реакция мускулов, то им можно манипулировать [1 с. 9].

Эти наблюдения классиков отечественной гуманитарной науки о смеховой культуре западноевропейского Средневековья и Возрождения я постараюсь соотнести с описанием двух эпизодов из жизни некоего самозванца, выдававшего себя в 1284–1285 гг. за императора Фридриха II Штауфена (1194–1250). Важно оговориться, что речь пойдет о средневековом смехе, но не в пространстве такого празднично-ритуального действия, где все вовлеченные четко понимают характер и жанр разыгрываемых сцен, а роли действующих лиц точно определены и заранее известны всем без исключения участникам (включая зрителей, которые тоже являются участниками²). Смех моих источников отчасти срежиссирован, отчасти спонтанен. Он и смех, и высмеивание, но в то же время и язык символической коммуникации. Этот смех существенно повлиял на социально-политическую жизнь городского населения германских земель, определил судьбу короля Рудольфа Габсбурга (1218–1291) и, в немалой степени, сам ход истории Германской империи в конце XIII в.

Главный герой этой статьи Тиль Колуп (*нижне-нем.*), или Дитрих Деревянный Башмак³, – один из примерно дюжины самозванцев, что объявляли себя в последней четверти XIII – самом начале XIV в. императором Фридрихом II Штауфеном. Бесспорно, он был самым успешным из всех, поскольку его признавали

² «Ибо карнавал не знает разделения на исполнителей и зрителей, там нет рампы» [2 с. 12].

³ См., например: [3 с. 182, 4 с. 103]. Указанное прозвище, однако, не проливает свет на происхождение этого самозванца или род его занятий и никак не конкретизирует, насколько он был приближен к настоящему Штауфенскому императору или, скорее, к его двору.

как правителя около года и население германских городов, и некоторые представители знати [5 с. 462]. Пик его «политической карьеры» был столь заметным, что современник событий хронист Элленхард Страсбургский († 1304) писал (впрочем, не исключено, что преувеличивая), что законный король Рудольф Габсбург стоял чуть ли не на пороге потери своей власти, ибо многие в Германии всерьез подумывали перейти на сторону этого «императора Фридриха» [6 с. 126].

Успех – более или менее длительный – лже-Фридрихов был обусловлен комплексом причин: ослаблением центральной власти в германских землях, ее дефицитом, сомнениями населения в легитимности и/или недовольством политикой действующего правителя⁴, наличием устойчивых представлений у подданных о том, что при прежнем государе был порядок и справедливость в отличие от теперешних смутных времен, и т. д.⁵

После смерти императора Фридриха II в 1250 г. и краткого правления его сына, Конрада IV († 1254), династия Штауфенов пресеклась и германский трон оставался вакантным до 1273 г., когда королем был избран Рудольф Габсбург. Титул императора Священной Римской империи после Фридриха II стал носить с 1312 г. только Генрих VII Люксембург.

Не следует забывать и о том, что XIII столетие было временем эсхатологических ожиданий, и такая фигура, как Фридрих II, у приверженцев учения Иоахима Флорского (1132–1202) отождествлялась то с Антихристом, то с императором «последних времен». В обоих сценариях его смерть в 1250 г. не вписывалась в расчеты средневековых интеллектуалов⁶. Вера же простолюдинов в то, что великий государь вернется и восстановит порядок, мир и справедливость в своей стране, найдет управу на представителей Церкви и на сеньоров-притеснителей⁷, не в последнюю очередь сформировалась им самим еще при жизни. Как и активно насаж-

⁴ См., например: [7]. Здесь именно недовольство населения налоговой политикой Габсбурга называется причиной того, что на лже-Фридрихов, объявлявшихся то тут, то там в германских землях, стали массово обращать внимание.

⁵ Комплексное исследование условий появления правителей-самозванцев в германских землях конца XIII – середины XIV в. (Балдуина Фландрского, Фридриха II и Вальдемара Бранденбургского) см.: [8].

⁶ Ср.: [9 с. 191].

⁷ См., например: [10 с. 46].

даемая самим Фридрихом идея, что династия Штауфенов будет восседать на престоле империи до Страшного суда⁸.

Тиль Колуп действовал в области Нижнего Рейна. Как и другие лже-Фридрихи до и после него, этот человек прибыл в крупный город и объявил публично, что он – Фридрих II. Однако признания населения не снискал и вынужден был отправиться восвояси. Самозванец нашел приют в соседнем епископском городе Нойс, несколько месяцев держал там двор, похожий на королевский⁹, принимал послов от городов. Знатным сеньорам и бывшим солдатам Фридриха он писал письма, скрепленные печатью, похожей на императорскую¹⁰... Когда через некоторое время самозванец выехал из Нойса и прибыл в имперский город Вецлар, бюргеры поначалу приняли его. А чуть позже выдали лже-Фридриха королю Рудольфу Габсбургу. И 7 июля 1285 г. завершилась его недолгая, но яркая «политическая карьера»: за городской стеной псевдо-император был сожжен на костре и, сгорая в пламени, как утверждается в одной хронике первой четверти XIV в., призывал своих сторонников идти во Франкфурт, ибо он появится там через три дня, воскреснув из пепла...¹¹

Сцена осмеяния в Кельне

Самая первая попытка Тиля Колупа добиться признания, «узнавания» его как Фридриха II была предпринята им в Кельне, крупнейшем городе Германской империи в 1284 г. «Деяния Генри-

⁸ См. подробнее: [11].

⁹ “Curias more regio cum apparatu maximo, scilicet conviviorum et aliarum deductionum secularium, festive celebravit, et divulgatum est undique nomen eius, quia munera multa dabat et veteranis militibus, quod ipse esset Fridericus, signa verisimilia demonstrabat” [12 c. 245].

¹⁰ “Oppidani autem loci illius receperunt eum benigne, eidem largas expensas administrantes; et in tantum ibidem exaltatus est, ut nonnulli nobiles et barones terre, quibus ipse litteras suas, suo sigillo facto ad instar sigilli Friderici imperatoris sigillatas, destinavit, hesitando putarent, eum esse veraciter cesarem Fridericum. Nam opinio fuit multorum, ut per artem magicam cognosceret illa que militibus quondam sub Friderico imperatore militantibus clam vel palam acciderant, et hec suis litteris inserere consuevit, cognito intersigno. Unde multi declinaverunt ad illum, et venerabantur eum tamquam regem Fridericum” [5 c. 462].

¹¹ “Dô man in fuorte zuo dem rôst, / dô gap er guoten trôst / sînen di-enæren, / daz si trûren verbæren: / swer gerne von im vernæme, / daz der e des andern tages kæme / gegen Frankenfurte...” [13 c. 426].

ха, архиепископа Трирского» [5 с. 462–463] так повествуют об этом событии¹²:

В те же времена появился некий деревенщина, объявивший, что он – великий император Фридрих, который уже много лет как был мертв. Первое время он скрывался, а появившись в Кёльне, открылся всем. Когда его схватили и посадили под замок¹³, никоим образом не изменил своих слов, только твердил: «Я – король Фридрих». После, когда его освободили из заточения, на рыночной площади Кельна его подняли высоко на лестнице, так, чтобы все могли его видеть, увенчали его голову «коронай» ценностью в один обол, повывергли бороду – он претерпел великие насмешки и поношения. Но и тогда не переставал восклицать прежнее: «Хоть бы умер король Фридрих!» В конце концов его сняли с лестницы и, как безумного, прогнали из города¹⁴.

Хронист описал квази-королевское почитание самопровозглашенного Фридриха II, разыгранное при большом скоплении народа, издевательски-смешное по форме. Одновременно эта сцена являлась психологической пыткой, целью которой было вынудить псевдо-императора признать, что он не тот, кем себя называет. Неслучайно одно, второе, третье издевательство чередуются с восклицаниями самозванца, которые, очевидно, раз от раза не соответствуют нешуточным побуждениям «принуждающей стороны» и заставляют ее применять новое мучение в расчете добиться, в конце концов, от героя отречения и саморазоблачения.

¹² Важно, что эту запись делал современник событий (хроника доведена до 1288) и мы имеем дело не с фантазией хрониста, но с более или менее приближенным к реальности описанием произошедшего. MGH SS. T. 24. S. 462–463.

¹³ Видимо, это была стандартная процедура для подозрительных, по мнению горожан, личностей: так же поступили городские власти Гента при появлении другого самопровозглашенного Фридриха (см., например: [14 с. 242]) и лже-Конрадина [15 с. 325].

¹⁴ “Hiis etiam temporibus apparuit quidam rusticus, asserens se esse Fridericum imperatorem magnum, qui ante multa tempora fuerat defunctus. Primo clandestine visus est Colonie, deinde palam universis. Qui tandem captus est et vinculo mancipatus, numquam verbum mutans, quin diceret: ‘Ego sum rex Fridericus’. Tandem emancipatus carcere, in foro rerum venalium Coloniensi alte positus in scala, ut ab omnibus videri posset, dyademate valoris unius oboli super caput eius posito, depilata barba, illusiones et obprobria maxima sustinuit; tamen semper clamare non desiit: ‘Rex moriar Fridericus’. Ultimo post hec depositus de scala, tamquam vesanus eiectus de civitate...” [5 с. 462].

Эта сцена, несмотря на комическое оформление, фигуру паяца, слепленную буквально на ходу, высмеивание, элементы театральности, выходила, однако, за рамки сугубо «карнавального» пространства и имела серьезное значение именно в политическом дискурсе, во времени историческом, то есть обычном, «не-вывихнутом». И именно цель, которой горожане стремились достичь такими театрализованными действиями, заставляет сопоставить это представление на кельнской площади в первую очередь не с «почестями» карнавальных шутов на королевском троне [2 с. 10], а с иным топосом, знаковым для христианской культуры. Я имею в виду сцены «Осмеяния Христа» и «Коронования Христа терновым венцом».

Осмеяние Христа описано в трех Евангелиях¹⁵, однако только Лука в подробностях дает «технологию» действий тех, кто насмехается над Ним. Чтобы проследить, насколько схожи и цель, и методы действий «толпы» в отношении протагониста в евангельском повествовании и в «кельнском эпизоде», приведу библейские стихи полностью:

Люди, державшие Иисуса, ругались над Ним и били Его; и, закрыв Его, ударяли Его по лицу и спрашивали Его: прореки, кто ударил Тебя? И много иных хулений произносили против Него. И как настал день, собрались старейшины народа, первосвященники и книжники, и ввели Его в свой синедрион, и сказали: Ты ли Христос? скажи нам. Он сказал им: если скажу вам, вы не поверите; если же и спрошу вас, не будете отвечать Мне и не отпустите Меня; отныне Сын Человеческий воссядет одесную силы Божией. И сказали все: итак, Ты Сын Божий? Он отвечал им: вы говорите, что Я. Они же сказали: какое еще нужно нам свидетельство? ибо мы сами слышали из уст Его¹⁶.

Как видно, акторы XIII в. перенимают формы и методы действий глумящейся толпы из евангельского сценария. У сторон сходные цели, их функции в композиции обоих рассказов совпадают: и там, и там те, кто обладает физической силой и властны принуждать, применяют дознание, пытку, провокацию – чтобы заставить «главного героя» отречься от своей славы. Многократность провокаций, сочетание физического и психологического воздействия также совпадают в двух описаниях.

Едва ли стоит проводить параллель так далеко, чтобы утверждать, будто средневековый хронист имел в виду, что этот

¹⁵ См.: [Мф. 26:64–68]; [Мк. 14:61–65]; [Лк. 22:63–71].

¹⁶ [Ин. 22:63–71].

лже-Фридрих подобен Христу, то есть именно он – правая сила в этом противоборстве с толпой. Однако хрестоматийный *exemplum* Евангелия явно служит при описании сцены с самозванцем моделью, рецептом, технологией для действия. Роднит эти два отрывка и то, что и тот, и другой герой не отрекаются от ореола славы, которая их окружает, понимается ли она авторами источников как сомнительная или бесспорная.

Кроме того, в композиции «кельнского представления» содержатся аллюзии и на сцену увенчания Христа терновым венцом¹⁷.

Во-первых, в евангельском повествовании действие происходит в претории Города, то есть на площади или во дворе. Жители Кельна схожим образом приводят лже-Фридриха на городскую площадь. И там, и там протагониста окружает толпа, среди которой выделяются те, кто вступает с ним в контакт, и те, кто наблюдает за такой сценой, смеясь.

Во-вторых, терновый венец – это пародия на царскую диадему, а увенчание дешевым подобием короны в обоих эпизодах – это квази-почитание протагониста именно как светского правителя. Ведь при издевательствах и короновании терновым венцом римские воины дразнили Иисуса «*Rex Iudaeorum*». Увенчание лже-Фридриха грошовой короной – это тоже высмеивание и девальвация того единственного образа, который он представлял окружающим, образа короля.

В-третьих, издевательства и поношения, сопровождаемые увенчанием «короной» (пусть и проявляемые в разных действиях), – еще одна общая черта евангельского и средневекового действий.

В-четвертых, композиционно обе сцены оканчиваются схожим образом: прекращение насмехания влечет за собой «экскоммуникацию», выдворение из социума. В случае Христа после осмеяния следует распятие, в случае лже-Фридриха – изгнание прочь из Кельна.

Выше я говорила о том, что цель у «толпы» евангельской и кельнской одна и та же. Однако *методы* и *инструменты* средневековых насмешников основывались не только на евангельском примере, но и на современной им городской смеховой культуре. Это проявилось в действующих лицах, декорациях и сюжетах сцены. Действия толпы в Кельне разыгрываются по привычным для людей сценариям, «очертаниям», лекалам карнавала, а кельнский карнавал к 1284 г. проходил уже несколько десятилетий¹⁸. Доста-

¹⁷ См.: [Мк. 27:27–30]; [Лк. 15:16–19]; [Ин. 19:2–3].

¹⁸ Первые письменные свидетельства о кельнском карнавале датируются ок. 1200 г. См.: [16 с. 8].

точно упомянуть, что ритуал «почитания» шутовского короля [1 с. 10] был весьма распространен, а плут/дурак был протагонистом уличных шествий, площадных казней и т. д. [17 с. 28]. Однако представление, разыгранное с лже-Фридрихом, это не проявление в чистом виде карнавала, прервавшего обычный ход жизни бюргеров. Это выражение политической позиции хорошо знакомыми и регулярно исполняемыми *средствами* карнавала.

Таким получилось первое явление лже-Фридриха народу: через осмеяние, унижение и поношения группа горожан пыталась полностью делегитимизировать этого псевдо-императора как политическую фигуру, лишить его симпатий той части публики, что еще сочувствует и верит ему, а также пресечь его дальнейшую «политическую карьеру». Замысел дефамизаторов удастся, самозванец покидает Кёльн в статусе «безумного», то есть из-за смеха толпы он оказывается вытолкнут из серьезного, политического, дискурса, из исторического времени и не начинает даже расцениваться в Кельне как противник короля Рудольфа.

Надо признать, что стратегия не принимать слова и притязания самозванца всерьез была очень действенной. Сам Рудольф Габсбург, законный король, первое время предпочитал считать человека, называвшего себя Фридрихом, паяцем и безумным¹⁹. Здесь следует говорить не о порождаемом пространстве смешного, но о применении рациональной стратегии, преследующей серьезные политические цели. Король стремился не увеличивать своим вниманием славу самозванца и призывал тем самым своих сторонников также не обращать на этого человека внимания²⁰. Таким образом, это была универсальная стратегия по отношению к тому, кто начинал притязать на роль оппонента официальной власти, используемая как на региональном уровне, так и на «общеемперском».

¹⁹ “Cum autem rumor validus auribus domini Ruodolphi regis insonuisset de premissis, asseruit hoc esse absonum et non fore congruum rationi, et reputavit eum *fatuum et insanum*” (курсив мой. – А. Г.). («Когда же слуха короля Рудольфа достигли уже подтвержденные сообщения о произошедшем, он счел, что это нелепо, что это не укладывается в голове, и рассудил, что этот человек – *паяц и безумный*») [6 с. 126]. Ср. также свидетельство хроники страсбургца Фрицше Клозенера, который составлял свой труд в середине XIV в. (до 1362) и опирался в своей работе на Элленхарда Страсбургского: “Do die mere künig Rudolf fürkam, do duhte es in ein gespotte unde achtete jn für einen toren” («И чем больше король Рудольф узнавал [об этой истории], тем больше это казалось ему насмешкой, и король принимал его за безумного») [18 с. 32].

²⁰ Подробнее об этом сюжете см.: [19].

Сцена осмеяния в Вецларе

Еще одна «смешная сцена» с участием самозванца, которая описана в хрониках, имела место в имперском городе Вецлар. Этот эпизод стал одновременно кульминацией и закатом «политической карьеры» лже-Фридриха.

В 1285 г. самозванец прибыл в Вецлар и некоторое время пребывал там, пока король Рудольф, преследуя этого сомнительного человека, не появился перед стенами города [18 с. 32] и не потребовал выдачи того, кто называл себя императором [13 с. 426], угрожая разрушить город и навечно поставить его жителей вне закона. Бюргеры принимают решение²¹ выдать самозванца королю Рудольфу. Представители короля²² входят в город, и на глазах всех жителей разворачивается сцена с участием лже-Фридриха, городской толпы и королевских посланцев.

Когда многие расспрашивали, допытываясь, если он – сам император, отчего же он столько времени скрывался, тот ответил, что не мог и не желал примиряться с притеснениями и приговорами апостольского престола и в этот срок пребывал в Африке и Греции, а теперь наступил удобный момент, чтобы он явил себя королевству и империи. Толпа же пришла в смятение от прозвучавших вопросов и ответов, а королевский маршал [Генрих] из [города] Паппенхайм²³ схватил его за поясной ремень, да так, что тот лопнул, и тотчас каждому стали очевидны в деталях [его] всевозможные средства обмана²⁴.

²¹ В сравнительно позднем источнике, «Рифмованной хронике Оттокара», составленной во втором десятилетии XIV в., приводится описание городского совета, где разные социальные слои спорят, следует ли выдавать королю «императора Фридриха». См.: [13 с. 426]. О мотивах различных городских слоев в этом вопросе см.: [20 с. 134–138].

²² В одном из списков хроники Иоганна фон Виктринга сказано, что в город вступил и король Рудольф. Однако то, что он сам ничего не говорит, его действия никак не описываются, с ним никто не взаимодействует, нет описания, что горожане приветствуют вступающего в город правителя, с ним никто не заговаривает и т. д., позволяет скорее согласиться с теми источниками, где указывается, что в город вошли только высокопоставленные представители короля: «Рифмованная хроника Оттокара» называет имена графов Фридриха фон Линингена и Эберхарда фон Каценеленбогена: [13 с. 425]. Иоганн фон Виктринг упоминает среди послов Генриха из Паппенхайма: [12 с. 246].

²³ В Баварии.

²⁴ «Et venit Rudolfus expetens eum a civibus dicte urbis, qui dissimulantes velle regium non curabant. Rege autem excidium civitati et civibus com

Ряд моментов этого действия заставляет подозревать, что перед нами – постановка с изначальной композиционной заданностью, с прогнозируемым финалом, а отнюдь не спонтанный акт. Прежде всего, допрос с выяснением причин долгого отсутствия «императора» в Германии уместно было бы задавать (и поверить или не поверить ответу) при въезде «Фридриха» в город, а не после его длительного пребывания в городских стенах. Отмечу, что оправдание своего отсутствия самозванец привел очень убедительное: лже-Балдуин Фландрский (1225) и лже-Вальдемар Бранденбургский (1348–1350) также ссылались на то, что пребывали как пилигримы в Святой земле, и это позволило им снискать на время признание населения, т. е. лже-Фридрих привел лучший аргумент, которым пользовались самозванцы до и после него. Кроме этого, настоящий Фридрих II действительно совершил в свое время крестовый поход и вернул христианам Иерусалим. Такой факт биографии настоящего императора тоже играл в пользу самозванца: профаны могли бы поверить его словам, «узнать» в таком поведении «типичного» императора Фридриха, а у элиты появился убедительный повод сделать вид, что они верят его

minante et eternam proscriptionem, portas aperuerunt et regem quantocius intromittunt. Pluribus autem querentibus, si ipse esset imperator, cur tanto tempore latuerit, sciscitantes, respondit se non potuisse nec voluisse sedis apostolice iniurias et sententias tollerare et sic tempus intermedium in Africa et Grecia exegisse, nunc vero oportunitatem, ut regno et imperio se ostenderet, advenisse. Quibus ita ventilatis et diversis sermonibus et quaestionibus interiectis regius marschalcus de Pappenhaim per corrigiam femoralem rapuit ipsum ita, ut corrigia scinderetur, ex qua statim in omnium apparencia diversa figmenta illusionum cum caracteribus sunt effusa. (* hominum omnium, quos terra sustinet, sceleratissime et [fu]stigavit autem eum)” (* из всех людей, населяющих землю, он – величайший грешник, и побили его палкой) (в скобках – пометка на полях. – А. Г.) [12 с. 245–246]. В другом списке хроники Иоганна фон Виктринга приводится более краткое описание этой сцены с добавлением, однако, в конце важной формулы, объясняющей и оправдывающей поведение бывших симпатизантов самозванца: «Оттуда (т. е. из Нойса. – А. Г.) бежал он в Вецлар, город [земли] Гессен, где король требовал его выдачи. Королевский маршал знатный муж де Паппенхайм потянул его за ремень на бедре – и тотчас же стали очевидны все детали и средства обмана, с помощью которых он дурачил народ» (курсив мой. – А. Г.). (“Deinde auffugit et venit in Wetflariam Hazzie civitatem, ubi rex eum expeciit, et per corrigiam femoralis a marschalco regis nobili viro de Pappenhaim tractus, mox characteres et illusionum figmenta omnia sunt effusa, quibus populum dementavit”) (курсив мой. – А. Г.) [12 с. 285].

словам и принимают самозванца. Однако этого не происходит. Напротив, ответы псевдо-императора лишь провоцируют возрастающее недоверие толпы.

Посреди возбужденного народа представитель Рудольфа Габсбурга подходит вплотную к лже-Фридриху и дергает его за ремень – акт сам по себе непочтительный, тем более по отношению к правителю; он уничтожает сословную иерархию и соответствующее должное поведение по отношению к вышестоящему лицу (что, собственно, присуще и карнавалу). Уже один этот жест – маркер, с помощью которого королевский маршал пытается показать всем жителям, что перед ними не Фридрих II Штауфен. Ремень лопается, и тут же рождается пространство смешного, шутовского, распределяются роли осмеянного и смеющихся. С карнавалом эту сцену роднит и то, что смеющиеся после смеха действительно возвращаются на иные ценностные и смысловые координаты, чем те, которые они имели до акта смеха. В то же время серьезность и последствия этого смеха выходят за рамки сугубо «карнавального» пространства, сказываясь на дальнейшей повседневной жизни и горожан, и законного короля.

В этой сцене можно выделить два «регистра смеха». Первый – это смех простоллюдинов, возможно искренне веривших, что перед ними – настоящий Штауфен, который поможет им зажить лучше. Их смех был спровоцирован сторонниками Рудольфа, и этим своим невольным смехом они словно перевербовываются помимо своей воли, потешаясь над лже-Фридрихом, перестают воспринимать его как правителя, он теряет свой авторитет в их глазах.

Второй «регистр смеха» – это смех городского патрициата, с самого начала принявшего самозванца как императора Фридриха по конъюнктурным соображениям. Они и до смеха не считали лже-Фридриха настоящим правителем и смеялись, чтобы показать тем самым, что полностью отрекаются от своей верности ему, то есть смеялись они не столько комичной сцене, сколько чтобы показать в присутствии посланцев короля Рудольфа, что отныне они будут абсолютно верны именно ему. Иначе говоря, смеялись они именно *для* него; смех в их исполнении – это акт символической коммуникации, способ передать недвусмысленное сообщение. В обоих «регистрах» смех разных слоев горожан репрезентирует их отказ (сознательный или получившийся из-за внезапного смеха) от верности самозванцу и возвращение к верности королю Рудольфу.

Композиционно этот рассказ завершается вполне логично: закончив смеяться, все горожане увидели во всех деталях, как именно самозванцу удавалось походить на императора Фридриха, какими приемами тот пользовался. То есть разоблачение, развенчание

происходит в рассказе хрониста именно как прозрение в буквальном смысле: бюргеры почти физически «ощупывают» глазами самозванца и деталь за деталью опознают обман.

Словно в подтверждение правильности новой позиции горожан хронист добавляет в повествование публичное саморазоблачение самозванца²⁵:

Лжец же заявил, что он не имеет ничего общего с королями и императорами, но что он – сапожник и происходит из низкороджденных и бедных²⁶.

Переворачивание «верха» и «низа» (социальное в данном случае) также вторило уже произведенному комическому эффекту: неблагородный сапожник-бедняк, изображавший из себя императора (вершину социальной лестницы), становился смешной фигурой и окончательно терял всякое почитание и уважение со стороны публики.

Заключение

И кёльнский, и вецларский эпизоды высмеивания псевдо-императора имеют ряд общих атрибутов. Оба разыгрываются на городской площади при большом скоплении народа. Унижения, пытки, насмешки – все это проделывают над самозванцем, чтобы добиться из его уст саморазоблачения и чтобы свести на нет его авторитет. Таким образом, смех не развлечение и не «командировка» в праздничный хронотоп, он в данном случае функционален именно в социально-политическом дискурсе.

Во всех этих сценах высмеивания есть три «пласта», и действующие лица каждого из них обладают своим зарядом смеха/серьезности и собственной эволюцией этих составляющих в ходе развития действия и по его завершении:

- 1) в центре сцены – лже-Фридрих. Его притязания и слова серьезные, но ему насильно присваивают роль паяца;

²⁵ Однако далеко не все хроники отмечают, что саморазоблачение псевдо-императора имело место. Скорее, такого заключения требовала композиция всей истории с лже-Фридрихом. И эта деталь во всем повествовании оттеняла, только подчеркивая, яркий образ законного короля Рудольфа как легитимного правителя. Ср.: примеч. 10, [21 с. 42; 5 с. 462].

²⁶ “Exclamavit autem falsidicus se nichil habere commune cum regibus et imperatoribus, sed artis calopidarie a se existere miserum et egenum” [12 с. 246].

- 2) ближе всего к протагонисту находятся сторонники короля Рудольфа, которые вступают с лже-Фридрихом в непосредственный контакт, они серьезны от начала и до конца сцены, но они провоцируют смех толпы. Они изначально относятся к лже-Фридриху иначе, чем горожане; их функция – «разбить» альянс между самозванцем и бюргерами;
- 3) горожане, публика, для которой разыгрывается представление: вначале они серьезны, потом смеются, а после – по-другому относятся к лже-Фридриху, чем до начала действия.

Строго говоря, в данных эпизодах мы имеем дело не со смехом в чистом виде, скорее – с высмеиванием. Но это высмеивание отличается от запланированного высмеивания персонажей во время карнавальных шествий и сценок: в случае с самозванцем высмеивание у части горожан оказывается спонтанным, их подталкивали к такой реакции. В то же время для группы бюргеров высмеивание лже-Фридриха было запланированным, церемониальным, но его уже следует рассматривать за рамками сугубо смехового пространства.

Обе сцены начинаются в серьезном ключе, затем пространство становится смеховым, а после все снова возвращается в серьезное поле. И это отличает оба действия от карнавала (точнее – от некоего воплощения устной комической культуры средневекового города, которая проявляет себя в карнавале, но не сводится к нему) – карнавал един для всех участников и осознается всеми [2 с. 17]. Однако эти действия происходят в социально-политическом дискурсе, их цель – повлиять на будущее, чтобы отношение к лже-Фридриху переменялось и с этим новым отношением люди продолжали бы жить своей повседневной, серьезной жизнью дальше. Это не «мир наизнанку» [2 с. 16], а скорее «выталкивание» только одного человека в несерьезность средствами и инструментами публичного высмеивания, известными по моделям карнавальных торжеств.

Полуспонтанное, полуразыгранное возникновение смехового пространства в двух данных случаях – это публичное, репрезентативное маркирование лояльности горожан лже-правителю как неправильного состояния, как «вывихнутого времени», «помрачения рассудка» [6 с. 126]. И средствами, инструментами карнавала осуществляется как раз «вправление» этого «вывиха времени». Подобная процедура была необходима как раз для того, чтобы снова вернуться в «серьезный дискурс» обычной жизни, чтобы она могла продолжиться правильно. Смех заканчивается, и вместе с ним заканчивается и время нелояльности законной власти. Происходит возвращение сообщества к «нормальному» положению вещей, то есть к верности королю Рудольфу.

«Карнавал» разыгрывается фактически для одного человека, чтобы поместить самозванца в него и сделать его шутом или «дураком» – хотя он-то как раз претендовал на то, чтобы всерьез занять место в политическом поле Германии, причем людей, готовых пойти за ним, а не за королем Рудольфом, было достаточно много. Такой способ устранения политического соперника – судя по судьбам появлявшихся снова и снова до начала XIV в. лже-Фридрихов²⁷ – был даже более действенным, чем физическое устранение.

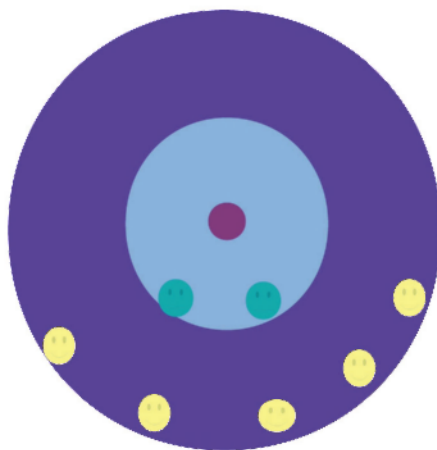

Рис. 1. Смеховое пространство, возникающее вокруг лже-Фридриха

Литература

1. Аверинцев С.С. Бахтин, смех, христианская культура // М.М. Бахтин как философ. М.: Наука, 1992. С. 7–19.
2. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.
3. Annales Maurimonasterienses / Ed. Ph. Jaffe // MGH SS. T. 17. Hannoverae: Impensis bibliopolii aulici hahniani, 1861. S. 181–182.
4. Ellenhardi Argentinensis Annales / Ed. by Ph. Jaffé // MGH SS. T. 17. Hannoverae: Impensis bibliopolii aulici hahniani, 1861. S. 101–104.

²⁷ См. об этом подробнее: [22 с. 20], [23 с. 509–511].

5. *Gesta Henrici Archiepiscopi Treverensis* / Ed. by G. Waitz // MGH SS. T. 24. Hannoverae: Impensis bibliopolii aulici hahniani, 1879. S. 456–463.
6. *Ellenhardi Argentinensis Chronicon* / Ed. by Ph. Jaffe // MGH SS. T. 17. Hannoverae: Impensis bibliopolii aulici hahniani, 1861. S. 118–141.
7. *Rößler F. Tile Kolup* // Dictionary of German Biography / Ed. by W. Killy, R. Vierhaus. Vol. 10. Munchen: De Gruyter, 2006. P. 44.
8. *Schwinges R.C. Verfassung und Kollektives Verhalten. Zur Mentalität des Erfolges falscher Herrscher im Reich des 13. und 14. Jahrhunderts* // Mentalitäten im Mittelalter / Hrsg. von F. Graus. Sigmaringen: Jan Thorbecke Verlag, 1987. S. 177–202.
9. *Салимбене де Адам. Хроника*: пер. с лат. М.: РОССПЭН, 2004. 984 с.
10. *Thomsen M. "Ein feuriger Herr des Anfangs...": Kaiser Friedrich II. in der Auffassung der Nachwelt. Ostfildern*: Jan Thorbecke Verlag, 2005. 367 S.
11. *Schaller H.M. Die Kaiseridee Friedrichs II* // Probleme um Friedrich II / Hrsg. von J. Fleckenstein. Sigmaringen: Jan Thorbecke Verlag, 1974. S. 109–134.
12. *Iohannis abbatis Victoriensis Liber centarum historicarum. MGH SS. rer. Germ. in usum scholarum* / Hrsg. von F. Schneider // MGH SS. T. 36, pars. 1. Hannoverae, Lipsae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1909. 387 s.
13. *Ottokars Österreichische Reimchronik* / Hrsg. von J. Seemüller // MGH Dt. Chron. T. 5, pars. 1. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1890. 720 s.
14. *Гюгер Б. Император, Бог и дьявол: Фридрих II Гогенштауфен в истории и легенде*. СПб.: Евразия, 2003. 286 с.
15. *Srtuve T. Die falschen Friedriche und die Friedenssehnsucht des Volkes im spater Mittelalter* // Fälschungen im Mittelalter. Bd. 1. Wiesbaden, Hannover: Hahn, 1988. S. 317–337.
16. *Реутин М.Ю. Народная культура Германии: Позднее средневековье и Возрождение*. М.: РГГУ, 1996. 217 с.
17. *Реутин М.Ю. Несколько соображений по поводу карнавального «хронотопа»* // Одиссей: Человек в истории. 2005. М.: Наука, 2005. С. 23–37.
18. *Strassburgische Chronik von Fritsche Closener* / Ed. by A. Schott, A. Walther. Stuttgart, Literarischer verein, 1842. 449 s.
19. *Герштейн А.Б. «Король говорит»: Высказывание и молчание Рудольфа Габсбурга как приемы конструирования образа правителя в хрониках XIV в.* // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. 2017. № 25. С. 33–49.
20. *Герштейн А.Б. Самозванец-император, король Рудольф и население германских земель: кто кого и как обманывал?* // Стратегии обмана в обществах Средних веков и Нового времени / Под ред. О.И. Тогоевой, О.Е. Кошелевой. М.: ИВИ РАН, 2017. С. 109–139.
21. *Monachi Fürstenfeldensis Chronica de Gestis Principum* / Hrsg. von G. Leidinger // MGH SS rer Germ. in usum scholarum. T. 19. Hannover, Leipzig: Hahnische Buchhandlung, 1918. S. 1–104.
22. *Герштейн А.Б. Фальшивый император на Рейне: казус из социально-политической истории Германии конца XIII в.* // Казус. Индивидуальное и уникальное

- в истории. 2018 / Под. ред. О.И. Тогоевой, И.Н. Данилевского, при участии О.Е. Кошелевой. 2018. Вып. 13. С. 17–36.
23. *Rader O.* Friedrich II: Der Sizilianer auf dem Kaiserthron. Eine Biographie. Munchen: C.H. Beck, 2012. 592 S.

References

1. Averintsev SS. Bakhtin, Laugh, Christian Culture. V: *M.M. Bakhtin as a Philosopher*. Moscow: Nauka Publ.; 1992. p. 7-19. [In Russ.]
2. Bakhtin MM. François Rabelais and Popular Culture of the Middle Ages and Renaissance. 2nd ed. Moscow: Khudozhestvennaya literature Publ.; 1990. 543 p. [In Russ.]
3. Annales Maurimonasterienses / Ed. Ph. Jaffe // MGH SS. T. 17. Hannoverae: Impensis bibliopolii aulici hahniani, 1861. S. 181–182.
4. Ellenhardi Argentinensis Annales / Ed. Ph. Jaffé // MGH SS. T. 17. Hannoverae: Impensis bibliopolii aulici hahniani, 1861. S. 101–104.
5. Gesta Henrici Archiepiscopi Treverensis / Ed. G.Waitz // MGH SS. T. 24. Hannoverae: Impensis bibliopolii aulici hahniani, 1879. S. 456–463.
6. Ellenhardi Argentinensis Chronicon / Ed. Ph. Jaffe // MGH SS. T. 17. Hannoverae: Impensis bibliopolii aulici hahniani, 1861. S. 118–141.
7. Rößler F. Tile Kolup // Dictionary of German Biography / Ed. W. Killy, R. Vierhaus. Vol. 10. München: De Gruyter, 2006. P. 44.
8. Schwinges R.C. Verfassung und Kollektives Verhalten. Zur Mentalität des Erfolges falscher Herrscher im Reich des 13. und 14. Jahrhunderts // Mentalitäten im Mittelalter / Hrsg. von F. Graus. Sigmaringen, 1987. S. 177–202.
9. Salimbene de Adam. Cronica. Moscow: ROSSPEN Publ.; 2004. 984 p. [In Russ.]
10. Thomsen M. “Ein feuriger Herr des Anfangs...” Kaiser Friedrich II. in der Auffassung der Nachwelt. Ostfildern: Jan Thorbecke Verlag, 2005. 367 s.
11. Schaller H.M. Die Kaiseridee Friedrichs II // Probleme um Friedrich II / Hrsg. von J. Fleckenstein. Sigmaringen: Jan Thorbecke Verlag, 1974. S. 109–134.
12. Iohannis abbatis Victoriensis Liber centarum historicarum. MGH SS. rer. Germ. in usum scholarum / Hrsg. von F. Schneider // MGH SS. T. 36, pars. 1. Hannoverae, Lipsae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1909. 387 s.
13. Ottokars Österreichische Reimchronik / Hrsg. von J. Seemüller // MGH Dt. Chron. T. 5, pars. 1. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1890. 720 s.
14. Gloger B. Emperor, God and Devil. Frederick II Hohenstaufen in History and in Legend. Sankt-Peterburg: Evraziya Publ.; 2003. 286 p. [In Russ.]
15. Srtuve T. Die falschen Friedriche und die Friedenssehnsucht des Volkes im später Mittelalter // Falschungen im Mittelalter. Bd. 1. Wiesbaden, Hannover: Hahn, 1988. S. 317–337.
16. Reutin MYu. Popular German Culture of the Late Middle Ages and Renaissance. Moscow: RGGU Publ.; 1996. 217 p. [In Russ.]

17. Reutin MYu. Some Deliberations on the Carnival 'Chronotope'. V: *Odysseus. A Man in History*. 2005. Moscow: Nauka Publ.; 2005. p. 23-37. [In Russ.]
18. Strassburgische Chronik von Fritsche Closener / Ed. A. Schott, A. Walther. Stuttgart, Literarischer verein, 1842. 449 s.
19. Gerstein AB. "The King Says": Utterance and Silence of Rudolf of Habsburg as Devices of Constructing the Image of a Ruler in the Chronicles of the 14th Century. *Adam and Eve. Almanach of Gender History*. 2017;25:33-49. [In Russ.]
20. Gerstein AB. Emperor-Impostor, King Rudolf and Population of German Lands. Who was Deceived by Whom... and in What Way? V: Togoeva OI., Kosheleva OE., ed. *Strategies of Deception in the Societies of the Middle Ages and the New Age*. Moscow: IVI RAN Publ.; 2017. p. 109-39. [In Russ.]
21. Monachi Fürstenfeldensis Chronica de Gestis Principum / Hrsg. von G. Leidinger // MGH SS rer Germ. in usum scholarum. T. 19. Hannover, Leipzig: Hahnische Buchhandlung, 1918. S. 1–104.
22. Gerstein AB. The False Emperor in the Rhine. One Case of Socio-political History of the Late 13th-Century Germany. Togoeva OI., Danilevskii IN. and Kosheleva OE., ed. *Orbis Medievalis. The Individual and Unique in History*. 2018;13:17-36. [In Russ.]
23. Rader O. Friedrich II: Der Sizilianer auf dem Kaiserthron. Eine Biographie. Munchen: C.H. Beck, 2012. 592 s.

Информация об авторе

Анна Б. Герштейн, кандидат исторических наук, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр., д. 32; odysseus1989@mail.ru

Information about the author

Anna B. Gerstein, Cand. of Sci. (History), Institute for World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 32 a, Leninskii av., Moscow, 119334, Russia; odysseus1989@mail.ru